

УДК 811.161.1'27
ББК 81.2Рус-5

Е. В. Осетрова
Красноярск, Россия

E. V. Osetrova
Krasnoyarsk, Russia

СЛУХИ В ПАРАДИГМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕНРИСТИКИ

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ слухов как информативного речевого жанра. Его главная цель состоит в массовом, изначально устном распространении актуальной для людей новости, авторство и достоверность которой не установлены и ответственность за которую никто не несет. Автор 1) анализирует механизм распространения слухов по устному каналу коммуникации, выявляя несколько параметров этого механизма: «момент ввода», «способ» и «периодичность» трансляции, а также «пространственный» и «временной» параметры; 2) рассматривает тексты медиа-слухов, определяя их функции и типичные семантические пространства / аспекты неавторизованной новости: военные действия, политика, экономика, здоровье, межличностные отношения и др.; 3) описывает языковую модель слухов в художественной картине мира, реконструируя «естественный» и «искусственный» сценарии обращения слухов через фазы Восприятия – Трансляции – Существования. В результате слухи охарактеризованы как важный способ массового взаимодействия, тонко реагирующий на состав коллектива, серьезность темы, стилевые, временные и пространственные параметры диалога.

Ключевые слова: слухи, коммуникация, текст, массмедиа, механизм трансляции, правила речевого поведения, языковая модель, речевой жанр.

RUMORS IN THE PARADIGM OF LINGUISTIC GENRISTICS

Abstract. The present article provides a comprehensive analysis of rumors as an informative genre transmitting unauthorized news. The goal of this genre is mass distribution of initially oral current news, the authorship and reliability (veracity) of which are uncertain and for which no one is liable.

The author 1) analyzes the mechanism of rumors transmission via Oral Channel of communication, identifying the main parameters of that mechanism – “the moment of introduction”, “the method of transmission”, “the frequency of transmission”, as well as “the space” and “time” parameters. Each of these can operate in two modes – normal and intensified; 2) examines the texts of media-rumors, defining their functions and typical semantic space / aspects of unauthorized news – war, politics, economics, health, personal relationships; 3) describes the rumor model in the linguistic picture of the world, reconstructing “natural” and “artificial” scripts of the rumor cycle through the phases of Transmission → Perception → Existence, etc.

As a result, rumors are presented as one of the modes of mass interaction that subtly responds to the structure of the speech collective, significance of the theme, as well as to time and space parameters of the dialogue.

Key words: rumours, communication, text, mass-media, mechanism of transmission, rules of language behavior, language model, speech genre.

Сведения об авторе: Осетрова Елена Валерьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка и методики Место работы: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. E-mail: osetrova@yandex.ru

About the author: Osetrova Elena Valeryevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of modern Russian language and Teaching methods

Place of employment: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev.

ВВЕДЕНИЕ

Участвуя в организации современной коммуникативной среды, слухи имеют богатую социальную и научную историю. Более чем сто лет они изучаются в социологии и философии, семиотике, теории и практике коммуникации, в сфере политических технологий, теории рекламы и менеджмента. Список библиографии, собранный автором по данной теме и смежным с ней предметным областям – «Молва», «Сплетни», «Городские легенды», – включает более 450 источников [1 : 381–411].

В российской филологии на слухи как на научный объект в конце 70-х гг. XX века

опосредованно указал Ю. В. Рождественский, говоривший о них в широком контексте молвы [2]. Спустя два десятилетия В. В. Прозоров вновь вернулся к теме, назвав ее перспективной для социолингвистики, психолингвистики, фольклористики и литературоведения [3 : 167]. С этого момента слухи исследуются в двух направлениях: как феномен коммуникации и как особый фрагмент русской языковой картины мира [4].

В научной литературе нельзя найти устоявшегося определения слухов: исследователи видят в них режим существования современного общества и фрагмент массо-

вой актуальной информации (В. И. Андриянов, В. К. Левашов, А. Т. Хлопьев), специфический вид межличностной коммуникации и психологического влияния (В. П. Шейнов), субдискурс мелкой обывательской сенсации (И. В. Силантьев), циркулирующую форму коммуникации (Т. Шибутани), определяют слухи как коммуникативный канал (А. Ю. Панасюк, Н. Пиков, А. Н. Сперанская), наконец, как единицу массового общения и «кусок» текста, сознательно утерянного официальной культурой (Г. Г. Почепцов) [1 : 125].

Автор не отказывается до конца ни от одной из перечисленных точек зрения, поскольку каждая из них помогает раскрыть многомерность выделенного объекта. Однако представляет и ту позицию, на которой в данном случае расположился сам, – собственно лингвистическую.

Она состоит в том, что слух – прежде всего высказывание, имеющее особую композицию, стилистические особенности и типичное содержание, то есть хорошо узнаваемое.

Исходя из этого, определяется главная цель речевого жанра слуха: массовое, изначально устное распространение актуальной для людей информации, авторство и достоверность которой не установлены и ответственность за которую никто не несет.

Обсудим вопрос о методах анализа слухов.

Если иметь в виду кардинальный интерес современной лингвистики к «жизни» языка (к его использованию и функционированию), то логично рассматривать всякий языковой объект с трех сторон: его языковую природу, его текстовую принадлежность, а также его использование в речи. Рабочей, таким образом, по Т. В. Шмелевой, становится триада «язык – текст – речь (и шире – коммуникация)» [5 : 72].

Войдя внутрь этого условного треугольника, «посмотрим» из него на слухи.

КОММУНИКАТИВНЫЙ КАНАЛ

Существование слухов в современной коммуникативной ситуации интересует нас прежде всего в динамическом аспекте. Именно поэтому основное внимание сосредоточено здесь на канале коммуникации, по которому двигаются и распространяются слухи.

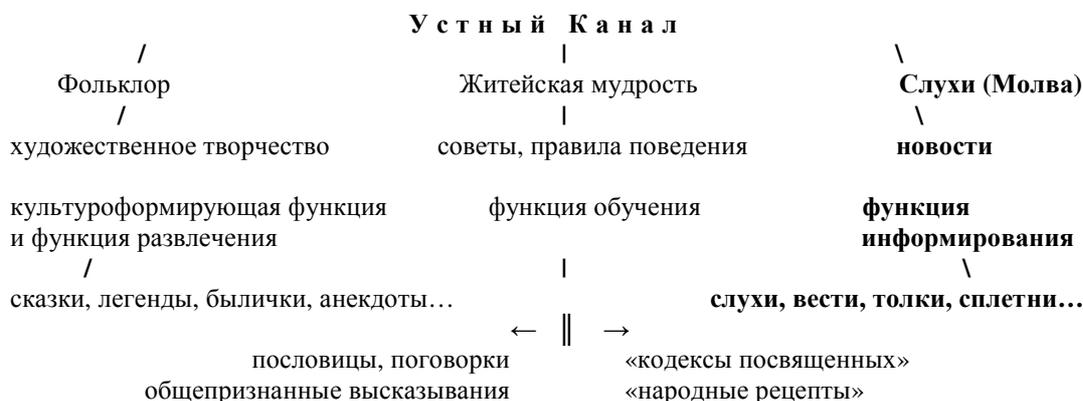
Начнем с того, что канал слухов – это устный канал, один из каналов массовой коммуникации. Наряду со СМИ и Интернетом он используется для коллективной трансляции социально значимой информации и работает путем передачи устных текстов от человека к человеку по речевой цепи либо сети.

Кроме слухов (или молвы), по устному каналу циркулируют еще два информационных потока: фольклор и тексты «житейской мудрости»; см. схему.

Слухи берут на себя функцию оперативного новостного ресурса устного сообщества, помогая человеку ориентироваться в сиюминутной ситуации, прогнозировать будущие события и планировать собственное поведение. Передача таких сообщений: *слухов, разговоров, ходячих вестей, толков, пересудов, рассказней, сплетен, кривотолков, наговоров, наветов, болтовни, говора и славы* – происходит относительно быстро и длится до тех пор, пока необходимость и заинтересованность в них ощущают члены языкового коллектива.

Здесь не стоит задача подробно рассмотреть феномены фольклора и «житейской мудрости». Скажем только, что каждый из них обладает специфическим содержанием и назначением, своим типичным режимом существования. Но все вместе, как устные тексты, они анонимны, циркулируют по одному каналу, имеют качество коллективной «надобности» и схожи в своей вариативности и интертекстуальности. Кроме того, нет непреодолимых границ между жанрами внутри канала: наблюдения исто-

Схема

риков, в частности, свидетельствуют о регулярной трансформации слухов в жанры фольклора – городские легенды и анекдоты [6–8].

Главное формальное сходство слухов, фольклора и «житейской мудрости» мы находим в способе их существования. Передача и хранение подобных текстов, по С. Неклюдову, возможны только при непосредственном общении людей: «Передавать и хранить устный текст без его периодического воспроизведения нельзя» [9]. Последнее замечание подводит к необходимости проанализировать **механизм** устного канала.

Гипотеза состоит в том, что на его работу влияет состояние пяти главных параметров. Назовем их «момент ввода», «способ» трансляции, «периодичность» трансляции, а также «пространственный» и «временной» параметры. Каждый из них может работать в двух основных режимах – обычном и усиленном.

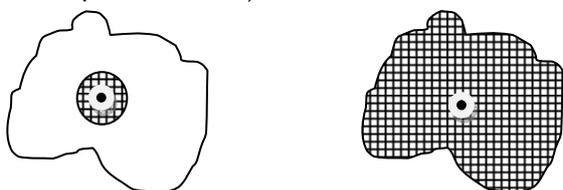
1. Так, на этапе ввода информации в ситуацию общения используются индивидуальный и групповой режим коммуникации, когда она обеспечивает личное общение tête-à-tête либо одновременно направляется сразу множеству адресатов.

2. Последующая трансляция естественно идет как по простой цепи от субъекта к субъекту, так и по сети, расходясь и сходясь речевым веером во множестве коммуникативных узлов.

3. Уровень пространственного покрытия канала также предполагает два варианта. канал очень хорошо работает в границах небольшого локального участка, обеспечивая интересы одной группы людей (деревня, офис, дружеская компания). Но в ряде случаев он охватывает обширную коммуникативную зону по причине интереса к информации большей части национального коллектива (катастрофа, выборы, сенсация).

4. Кроме того, трансляция может характеризоваться разной степенью периодичности. В этом случае текст может находиться в состоянии перманентной циркуляции. А может обращаться дискретно, лишь по случаю или по необходимости «вынимаясь» заинтересованным лицом из запасов коллективного знания и передаваясь адресату.

5. Наконец, период существования сообщения может быть долговременным или кратковременным в зависимости от устойчивости интереса социума к его содержанию.

Понятно, что если в усиленном режиме активируются несколько параметров, достигается суммарный эффект – интенсивное функционирование канала.

Яркий образец работы устного канала на пределе возможного – это возбужденная, испытывающая дефицит информации толпа. Внутреннее напряжение людей, которых собрало вместе какое-либо важное событие, побуждает их к разговорам друг с другом. Тогда включаются сразу четыре усиленных режима распространения сообщений: вследствие высокой концентрации людей информация мгновенно выходит за пределы группы и расходит по сети, сплошной волной накрывая людское скопление и достигая самых крайних его пределов.

Кроме общего механизма распространения слухов в устной коммуникативной среде, в фокус внимания попадают **правила речевого контакта**, обеспечивающие введение слухов в речь.

В своих работах Ю. В. Рождественский, на основании анализа восточных паремий создает универсальный свод предписаний к ведению речи [10]. Отдельный раздел свода фактически посвящен молве / слухам.

Ниже приведен список выбранных паремий с присовокупленным к ним комментарием самого исследователя.

1. *Добрую славу легко потерять, от дурной трудно избавиться.*

2. *Болезнь приходит через рот, беда выходит изо рта.*

3. *Блюдо, если его передают от одного к другому, пустеет, а слухи – множатся.*

4. *В доме еще ничего неизвестно, а на улице уже все знают.*

5. *У слова нет крыльев, а оно летает.*

6. *У мысли нет дна, у слова нет предела.*

Отрицательные свойства устного слова состоят в том, что можно принести дурную славу третьему лицу (1). Молва в силах нанести ущерб и собеседнику, и третьему лицу, и тем самым может иметь серьезные последствия для отдельных членов коллек-

тива (2). Эта возможность строится на «летучести» молвы (3–6).

Ряд паремий укладывается в систему характеристик и оценок молвы, которые сведены в три группы внутренне противопоставленных речений:

А.1. *Если ухо хоть день не слышит новости, оно гложет.*

А.2. *За что купил, за то и продаю.*

Б.3. *Говорит чужим ртом; Чужим умом далеко не пойдешь.*

Б.4. *Нет дыма без огня; Без ветра трава не колыхается; И пустельга попусту не кричит.*

В.5. *Большая собака залает, за ней маленькая; Одна собака залает впустую, другие подхватят всерьез.*

В.6. *Собака лает – караван идет; Что для луны лай собаки?!*

Каждая группа развивает предыдущую – как в диалоге. Соединяя высказывания текстовой скрепой *Да, но...*, можно обнаружить внутреннюю полемичность народной оценки услышанного. При переводе из словичного иносказания подобный «диалог» проясняется группой неиносказательных суждений; ср. с предыдущим:

А.1. *'Новости ценны'.*

А.2. *'Данная новость известна многим, кроме вас, не уверен в ее достоверности, но передаю услышанную новость точно'.*

Б.3. *'Он не ручается за действия, вытекающие из этой речи, а только передает чужие слова, что малоценно'.*

Б.4. *'Но все же, не зная ценности данных слов, можно утверждать, что само их появление симптоматично и информативно для ситуации'.*

В.5. *'Как известно, ценность слов проверяется по тому, кто их сказал, так как от этого зависит действие, следующее за речью. Я не знаю, откуда эти слова, не была бы это клевета и сплетня'.*

В.6. *'Серьезному делу не может повредить клевета и сплетня, пусть будет проверена и доказана временем серьезность сказанного'.*

С этим «диалогом», дающим правила обращения с молвой, соединяется очередная группа правил. Она содержит серию запретов на репродукцию «вредных», неуместных суждений:

Г.1. *Если крикнешь в кувшин, то кувшин на тебя крикнет; Что в лесу крикнешь, то и в ответ услышишь.*

Г.2. *У лжеца дом загорелся – никто не поверил; Клеветник умрет от клеветы.*

Г.3. *Чем больше будешь копаться в помойной яме, тем больше от тебя будет вонять.*

Г.4. *И хорошее слово хорошо один раз.*

Данная группа суждений-паремий связана между собой отношениями дополнения и конкретизации предыдущих сентенций. Их можно объединить в текст с помощью слов *кроме этого, надо еще помнить, что...*:

Г.1. *'Надо помнить, что молва возвращается, и потому не следует распространять того, что не входит в молву'.*

Г.2. *'Кроме этого, нужно молву передавать точно'.*

Г.3. *'И, кроме этого, не распространять вредных и неперспективных сведений'.*

Г.4. *'И, кроме этого, надо помнить, что молва, будучи многократно повторенной одному лицу, теряет смысл'.*

Одни пословицы указывают на рекомендации к образованию молвы, другие – на запрещения в ходе ее образования. Если первый набор правил (А–В) допускает репродукцию чужой речи на определенных условиях, то второй (Г) призывает воздержаться от репродукции высказываний, чреватых ущербом для говорящего и потому непригодных для молвы [10 : 34–46].

Ложную молву Ю. В. Рождественский расценивает как ошибку в использовании устного речевого канала: «В молве общественное мнение воспрещает оперировать ложной информацией», поскольку она относится к видам речи, допускающим только диалектический пафос истины [11 : 190–193, 365, 372].

ТЕКСТЫ

Вспомним теперь тот условный методологический треугольник, который был представлен в начале статьи, и обратимся к его текстовой составляющей.

С конца 80-х годов XX века слухи активно используются в российских СМИ в качестве одного из информационных источников. Поэтому их текстовая «жизнь» рассмотрена на базе современной российской прессы, а сам анализ проведен с использованием термина «семантическая сфера».

Понятие сферы лежит в основе содержательного членения объективного мира, отражаемого языком. В зависимости от целей это членение проводится по разным принципам и с разной степенью подробности.

Один из опытов классификации семантических сфер представлен И. Е. Кимом, который предлагает оригинальную языковую модель, основанную на двойном делении семантического пространства на сферы-области (секторы) и сферы-слои (концентрические кольца). Поскольку определены они по отношению к человеку как цен-

тру модели, в число главных составляющих типологии входят личная и социальная сферы [12 : 12–23].

Событийное пространство текстов исследуемого типа стремится к полярности. Один полюс концентрирует вокруг себя сюжеты социального, а другой – личностного содержания.

В данном случае мы исходим из того, что эти сферы отличаются одна от другой по степени социальной масштабности, значимости составляющих их событий. Первая включает те, которые имеют коллективное значение и вписаны в глобальные общественные процессы, в то время как в центре событий личной сферы – конкретный человек, его частные проблемы, не выходящие за границы межличностных отношений. В последнем случае отметим придание событию статуса «микрокосма», когда оно мыслится происходящим не в пространстве «безграничного мира», «а в его более узкой сфере – сфере жизни личности» [13 : 171]. При этом не исключено пересечение и взаимовлияние сфер в действительности, когда, например, болезнь государственного лидера ощутимо отражается на политической жизни страны, что формирует комплексные (с позиций семантики) описания.

Понимая событийную универсальность «слухового» модуса, который в состоянии переработать в своих рамках фактически любой сюжет, хотя бы контурно наметим границы охваченного им семантического поля.

Внутри **социальной сферы** особо выделяется несколько содержательных пространств – конкретных областей человеческой деятельности:

- спорт,
- военные действия,
- порядок,
- экономика,
- политика.

Перечисленными семантическими типами представление социальной сферы в языке, конечно, не ограничивается, но количество материалов, отражающих другие пространства языковой картины мира, незначительно; ср. примеры:

Около года назад Розетти назвал арбитра Эдуарда Малого лучшим судьей. В дальнейшем <...> Его назначили виновным в поражении «Спартак» в Махачкале, а в начале года арбитр неожиданно завершил карьеру. Слухи ходили разные – от таинственной болезни до волчьего билета «от очень влиятельных людей» (Советский спорт, 30.08.2013) – пространство спорта;

Неофициально уже ходили слухи, что турки отдают предпочтение китайским HQ-9 <...> В результате Турция выбрала китайские копии С-300П (Военно-промышленный курьер, 09.10.2013) – пространство военных действий;

Есть такой список Fiche «S» – в него входят те, кто представляет потенциальную угрозу безопасности государства. На Лазурном берегу таких насчитывается около 2000 человек, как я слышала. И вот прошла информация, что некоторых из этого списка пока посадили под домашний арест (МК в Красноярске. 2015. № 48) – пространство правопорядка;

Вложения, сделанные в кризис, уже принесли легендарному инвестору [Уоррену Баффетту] 40% прибыли. В 2008–2009 гг. Баффетт предложил помощь четырем голубым фишкам – Mars, Swiss Re, Dow Chemical и General Electric, а в 2011 г. поддержал Bank of America, про который тогда ходили слухи, что его придется спасти властям (Ведомости, 08.10.2013) – пространство экономики;

Есть мнение, что после выборов 1996 года Ельцин уже не принимал решений. Что всем рулило окружение, семья. – Полная ерунда. У семьи был лишь один момент взлета – момент формирования правительства после президентских выборов 1996 года. Ельцин тогда готовился к операции на сердце. <...> и в это время его действительно представляла семья <...> Но потом Ельцин полностью вернулся к активной жизни. – То есть слухи, как говорится, преувеличены? – Намного (МК в Красноярске. 2015. № 48) – пространство политики.

Каждое из выделенных пространств представлено спектром ситуаций, среди которых выделяются несколько типичных. Для экономической области это, к примеру, «финансовая операция» (описывается предикатами *скупать, приобретать, производить торги, затрачивать средства, «уводить» деньги*) и «финансовые взаимоотношения с работодателем» (*заплатить, получать зарплату, перечислять на личный счет, недовыплатить, оставаться должным, выдвигать требования по оплате труда*); для юридической области – «нарушение закона» (*обокрасть, ограбить, убить, совершить нападение*), «задержание нарушителя» (*устроить засаду, задержать, связать*) и «судопроизводство» (*подать иск, обратиться в суд, завести дело, провести судебное заседание*); для спортивной области – «карьерное перемещение» (*уйти, перейти, покинуть, пере-*

меститься, получить место, уехать, перебежать, стать (тренером, членом сборной, чемпионом); для политического пространства – «выборы» (рассчитывать квоты, встречаться с кандидатами, финансировать избирательную кампанию, проверять расходы кандидатов, вести борьбу / торговлю за место).

Группы предикатов, приведенные выше – яркая демонстрация того, какие семантические повороты удовлетворяют массовому успеху рассматриваемых сюжетов в периодике: финансовое, экономическое обеспечение проблемы, обнаружение некоей скрытой детали, динамичная природа события – ведь большинство проанализированных ситуаций описаны через пропозиции действия и движения.

Личная сфера текстов-слухов газетной и журнальной периодики составлена из описаний жизни огромных, средних и малых, мировых, столичных и провинциальных «звезд», большинство из которых «светят» на небосклоне шоу-бизнеса, кино и театра, светской жизни и спорта, но открываются также в области бизнеса и политики. В данном случае классификация проведена с использованием понятия «аспект».

Начнем с того, что в личной сфере выделяются аспекты

- здоровья,
- внешности,
- межличностных отношений.

Авторы текстов-слухов, отражающих аспект здоровья, заняты не описанием прекрасной формы знаменитого субъекта, но преимущественно затрагивают его физические проблемы: болезни, операции, в том числе пластические, диету, излишний либо недостаточный вес – и трудности, с которыми он сталкивается на тяжелом, иногда драматическом, поприще «личной-публичной» жизни; см. пример:

Слухи о смерти Людмилы Гурченко сильно преувеличены. Вечером в воскресенье, 27 февраля, в Сети поползла информация, что народная любимица скончалась. Учитывая возраст актрисы (минувшей осенью ей исполнилось 75 лет) и тот факт, что две недели назад она попала в больницу с диагнозом «перелом шейки бедра», многие восприняли эту новость как скорбный, но, увы, достоверный факт (Комсомольская правда, 28.02.2011)

Когда внимание журналиста обращено на внешность или социальный статус «героя», доля сенсационности тексту обеспечена, как и в предыдущем случае. Но от семантической роли пациенса или «ущемленного» бенефицианта он уходит, пере-

мещаясь в позицию субъекта состояния либо объекта характеристики:

Если серьезно, то даже у маленьких девочек бывают большие трудности. Даже у самых знаменитых, которых мы вспомнили <...> Катя Лычёва. После приезда в СССР американской школьницы, «туда» решили отправить нашу. Ходили слухи, что Лычёва – родственница всех наших генсеков одновременно, отобрали ж из миллионов! (АиФ. Приложения, 09.10.2013).

Самыми востребованными со стороны массмедиа оказываются проверенные и непроверенные факты о межличностных отношениях известных личностей: их помолвках, браках и разводах, числе мужей, жен и детей, их скандалах, ссорах и примирениях. Рутинное благополучие и в этом случае никого не интересует и не может стать основой новости, а главный «герой» меняет ролевую маску в третий раз, становясь интенсивно, а лучше – агрессивно действующим субъектом – агенсом. Текст же благодаря пропозициям действия и движения приобретает особую динамичность:

В прессе активно циркулируют слухи по поводу разрыва отношений Аллы Пугачевой и Максима Галкина. В окружении артистов говорят, что у них действительно ухудшились отношения в последнее время <...> Алла Пугачева привыкла жить, ни в чем себе не отказывая, и скромных доходов <...> Галкина не хватает на то, чтобы удовлетворить ее запросы и к тому же содержать столичную квартиру и замок, где живут супруги. Поэтому Примадонна попросту «выгоняет» молодого мужа на заработки (<http://livesmi.ru/show-business/8537-pugacheva-vygnala-galkina-iz-za-deneg.html>)

В общем, по результатам аспектного анализа к характеристикам текстов-слухов добавляются сенсационность, скандальность и интимность публикуемого события.

Наблюдения доказывают, что в рамках печатного текста слухи используются как средство для реализации ряда медийных функций собственно информационного толка. С их помощью СМИ удовлетворяют информационную необходимость либо информационный интерес коллективного адресата, что достигается благодаря активации сущностных свойств подобных высказываний – сенсационности и актуальности. Обсудим сказанное подробнее.

Неавторизованные медиатексты могут транслировать социальное содержание,

необходимое человеку для ориентации и адекватных реакций в повседневной жизни; это включает произвольное внимание адресата:

*Наблюдалась по беременности в частной клинике. Слышала, что в **роддом без родового сертификата** меня не пустят, а его выдают только в женской консультации. Неужели это так?* (АиФ – на Енисее. 2015. № 48).

Однако сведения, удовлетворяющие неискоренимое человеческое любопытство в отношении к «выделенным» в коллективе личностям, а также «жареным» фактам, поступают из медиаисточников едва ли не чаще. В последнем случае уже произвольное внимание читающего определяет функцию информационного интереса:

*Первые сюжеты [сериала «Каменская»] отбирали очень тщательно, а последние приходилось буквально высасывать из пальца. Говорили, что **Марининой** предлагали продать права на ее персонажей, чтобы кто-то другой придумывал с ними истории, но она на это не пошла* (Караван историй. Коллекция. 2015. № 11).

С функцией информационного интереса связано возникновение социально-психологического феномена «эмоций напрокат». Массовый адресат через СМИ знакомится со слухами и сплетнями об известных людях (celebrity gossip) – политических деятелях, спортсменах и актерах, – знаменитых в хорошем или плохом смысле. Эти новости преподносятся в том же ключе, что и новости о хороших знакомых, вызывая у обывателя выраженное чувство сопричастности и соучастия, близкого эмоционального отношения к героям опубликованной информации [14 : 70].

Обе выделенные выше функции слухов производны от генеральной информативной функции текстов СМИ, выведенной В. Г. Костомаровым [15], функция же информационного интереса, кроме того, самостоятельно коррелирует с развлекательной, или гедонистической, функцией СМИ, выделяемой в теории массовой коммуникации [16].

ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ

Обращаясь к собственно языковой стороне нашего объекта, предлагаем рассмотреть модель слухов на художественном материале – историко-детективных романах Б. Акунина (цикл «Приключения Эраста Фандорина»), в качестве же рабочего инструментария использовать методы семантического и когнитивного анализа, обычные в отношении языковой картины мира.

Типичное отражение модели / процесса распространения слухов демонстрируют следующие примеры:

[Маса] вышел в коридор и встал спиной к двери в позе грозного бога Фудомё, повелителя пламени. Когда по коридору кто-то шел, Маса прикладывал палец к губам, укоризненно цыкал языком и показывал то на запертую дверь, то куда-то в область пупка. В результате по этажу мигом разнесся слух, что в двадцатом остановилась китайская принцесса на сносях и будто бы даже уже рождает (Смерть Ахиллеса).

Даже поверхностный взгляд на этот материал формирует впечатление о неэлементарности языковой модели слухов. Детальный же анализ почти 500 выделенных отрывков доказывает высокую степень ее сложности: для передачи исследуемого фрагмента в языковой картине мира в совокупности используются 13 элементов пропозитивной (процессной) и ряд элементов актантной (ролевой) природы.

Эта сложное образование четко структурировано в границах двух вариативных сценариев – «естественного» и «искусственного».

Естественный, или стихийный, сценарий задан 7 фазами-пропозициями:

Каузация → Трансляция → Восприятие → Существование / Обладание → Запрос экспертизы (на достоверность слуха) → Экспертиза (достоверности) → Последствие.

Развертывание его обеспечивают актантные роли Каузатора, Транслятора, Получателя, Носителя (слуха) и Эксперта; сравните, к примеру, одно- и трехпропозитивную версии сценария:

*<У Ксении Георгиевны уже и жених имелся > <...> **всем было известно** [Существование], что его старший брат, наследник престола, болен чахоткой* (Коронация);

Говорили [Трансляция], что [адвокат] нанят неизвестным лицом в знаменитой петербургской фирме «Рубинштейн и Рубинштейн» и будто бы даже **слывет** [Существование] докой по уголовным делам. **Однако внешность** защитника к себе **не располагала** <...> **покупился** подлый Момус на хорошего адвоката [Экспертиза] (Пиковый валет);

Искусственный сценарий включает 6 пропозиций:

Провокация / Блокирование → Сбор → Осведомление → Осведомленность → Рефлексия → Планируемый результат / Использование.

Семантические участники, которые осуществляют данный сценарий, – это Провокатор, фабрикующий повод для распространения слуха; Осведомитель, ответственный за их Сбор и Осведомление; Потребитель, заинтересованный быть Осведомленным и Осмысливающий информацию; а также Бенефициент, получающий конечную информационную либо социальную выгоду после использования полученных сведений.

Инициатором каждой из перечисленных фаз, как видно, является субъект, специаленно действующий для достижения поставленной цели. Провокатору и Осведомителю языковое сознание, кроме того, приписывает характеристики «профессионалов», готовых внедряться в стихийный ход коммуникации, демонстрируя контроль над общественным мнением и отводя нужную ему и / или его «заказчикам» информацию в частный канал для особого использования. Информация, собранная этим способом, в достаточной степени достоверна, но не перестает оставаться слухом, ведь действующие субъекты – типичные анонимы. Таковы они в действительности – такими их в абсолютном большинстве случаев представляет и воспринимает языковое сознание; ниже даны иллюстрации двух-, трех- и четырехпозитивных версий сценария:

Слух [о дуэли] **пущен**. Место для подглядывания удобное [Провокация]. **Свидетели будут**, можете не сомневаться [Планируемый результат] (Алмазная колесница-2);

Ноги <...> вынесли его на Хитровскую площадь, где Сеньке мозолиться по нынешним временам было незачем. || Увидят [Сбор]. Князю свистанут [Осведомление], и адье, Семен Трифонович, наказывайте долго жить [Планируемый результат] (Любовник Смерти);

*Кабатчик Митрий Кузьмич, **отряженный** обществом в Белоцерковск [Сбор], приехал с подтверждением, что **слух был верный**: царя-императора убили евреи [Экспертиза]. **Значит**, можно бить, и ничего за это не будет [Рефлексия] <...> Все вышло, как положено: **пожгли** синагогу, **пошарили** по хатам, кому ребра **намяли**, кого за пейсы **оттаскали** [Использование] (Статский советник).*

Таким образом, каждой фазе-пропозиции, нейтральной в отношении качества намеренности, соответствует ее инициированный тип; см. таблицу.

Таблица.

Естественный сценарий	Искусственный сценарий
Каузация – непроизвольное событие / действие	Провокация – <i>запустили слух</i>
Трансляция – <i>говорили, рассказывали</i>	Осведомление – <i>доложили</i>
Восприятие – <i>слыхали</i>	Сбор – <i>выяснили, узнали</i>
Существование / Обладание – <i>было всем известно, знали</i>	Осведомленность – <i>располагали сведениями</i>
Экспертиза (оценочная) – <i>чушь, ерунда</i>	Осмысление – <i>«бюргеры сообразили»</i>
Последствие (непроизвольное) – <i>«вся Москва к Дюссо хлынет»</i>	Использование (намеренное) – <i>«головы чиновников полетят»</i>

Проделанный анализ свидетельствует о богатой семантике «слуховой» модели, что позволяет языковому сознанию легко и эффективно оперировать ее потенциалом. В зависимости от цели либо со вкусом развивать этот потенциал, создавая подробные, даже детализированные, не лишённые художественности описания. Либо, выбрав только одну из всего спектра фаз, использовать ее как маркер, мгновенно задающий «слуховой» ключ в ситуации диалога: *говорили..., мне доводилось слышать..., в городе знали, что...*

Не менее важно разрешить здесь проблему взаимосвязи языковой модели распространения слухов с действительностью. При внимательном ее (модели) изучении мы находим в ней и описание канала распространения слухов (Восприятие – Трансляция – Существование), и один из моментов введения их в конкретную речевую ситуацию (Экспертиза достоверности), и, в конце концов, отображение самого текста слухов, являющего их новостийную суть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пожалуй, наиболее существенным результатом проведенного исследования можно считать подтверждение сложной, внутренне противоречивой природы слухов.

Их квалифицируют как устойчивый тип высказывания и как коммуникативный канал. Они рассказывают о «чужих» и о «своих», вмещают сенсационное и обыденное,

развлекательную и практическую информацию, потешную и трагическую новость. Их тексты достоверны и ложны, им доверяют и их отвергают в качестве источника, они бурно «расцветают» в ситуации социального катаклизма и спокойно «произрастают» в обстоятельствах ежедневной рутины. Они могут не выходить за пределы офиса и объедают тысячекилометровые пространства, вялотекущи и стремительны... «Слухи были и будут атрибутом любого общества, поскольку ни одно общество <...> не согласовано до абсолютного единства и всегда обладает измерениями «здорового смысла», «неофициальной культуры»» [17 : 20].

Являясь по природе устным информационным жанром, вместе с тем слухи так зависимы от обстоятельств трансляции, что начинают сливаться с этими обстоятельствами, даже идентифицироваться с ними, провоцируя подмену понятий и терминов. Вот почему в научной литературе находится не один десяток определений слухов, где на первый план выдвигаются то их коммуникативно-речевые, то жанровые, то функционально-технические характеристики. Порождая большее или меньшее смещение понятий и, как следствие, затруднение для интерпретаций, данный факт одновременно свидетельствует о значимости слухов в современной жизни. Еще конкретнее – о том, что они представляют важный механизм массового взаимодействия, для которого являются значимыми такие коммуникативные параметры, как состав коллектива, тема (особенно ее серьезность), стилевые, временные и / или пространственные характеристики диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Осетрова Е. В.* Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде : речеведческий аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2010. 413 с.
2. *Рождественский Ю. В.* О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок // Паремнологический сборник : Пословица. Загадка (структура, смысл, текст). М. : Наука, 1978. С. 211–229.
3. *Прозоров В. В.* Молва как филологическая проблема // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 162–167.
4. *Osetrova E.* Rumours as a Subject of Scientific Analysis: Social Psychology, History, Philology // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. Vol. 6. Iss. 9. P. 1265–1280. URL: <http://journal.sfu-kras.ru/series/humanities/2013/9> (дата обращения: 30.11.2015).
5. *Шмелева Т. В.* Словесность в свете интеграции и дифференциации // Педагогика, психоло-

гия, словесность : сб. ст. Великий Новгород : Изд-во Новгород. гос. ун-та, 2005. С. 70–96.

6. *Агеева О. Г.* Петербургские слухи (К вопросу о настроениях петербургского общества в эпоху петровских реформ) // Феномен Петербурга : сб. ст. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2000. С. 299–313.

7. *Колоницкий Б. И.* К изучению механизмов десакрализации монархии (Слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Историк и революция : сб. ст. к 70-летию О. Н. Знаменского. СПб., 1999. С. 72–86.

8. *Пянкевич В. Л.* «Люди жили слухами» : Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб. : Владимир Даль, 2014. 479 с.

9. *Неклюдов С. Ю.* Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov15.htm> (дата обращения: 30.11.2015).

10. *Рождественский Ю. В.* Общая филология. М. : Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 326 с.

11. *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. М. : Флинта ; Наука, 2004. 512 с.

12. *Ким И. Е.* Личная сфера человека : структура и языковое воплощение. Красноярск : Изд-во Сибир. федерал. ун-та, 2009. 325 с.

13. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.

14. *Демьянков В. З.* Семиотика событийности в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ, 2004. Ч. 2. С. 68–83.

15. *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе : Некоторые особенности языка современной публицистики. М. : Изд-во МГУ, 1971. 268 с.

16. *Желтухина М. Р.* Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса. М. ; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.

17. *Дубин Б. В., Толстых А. В.* Феноменальный мир слухов // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 17–20.

REFERENCES

1. *Osetrova E. V.* *Neavtorizovannaia informatsiia v sovremennoi kommunikativnoi srede: rechevedcheskii aspect* [Unauthorized information in modern communications environment: aspect of verbal interaction. Dr. philol. sci. diss.]. Krasnoyarsk, 2010. 413 p.
2. *Rozhdestvenskii Y. V.* *O pravilakh vedeniia rechi po dannym poslovits i pogovorok* [On the rules of dialogue according to proverbs and sayings]. *Paremiologicheskii sbornik: Posloviitsa. Zagadka (struktura, smysl, tekst)* [Paremiological collection. Proverbs. Riddles (structure, meaning, text)]. Moscow, 1978, pp. 211–229.
3. *Prozorov V. V.* *Molva kak ailologicheskai problema* [Rumour as a philological problem]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 162–167.

4. Osetrova E. Rumours as a Subject of Scientific Analysis: Social Psychology, History, Philology. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. Vol. 6, iss. 9, pp. 1265–1280, available at: <http://journal.sfu-kras.ru/series/humanities/2013/9> (accessed 30 November 2015).
5. Shmeleva T. V. Slovesnost' v svete integratsii i differentsiatsii [Texts in aspects of integration and differentiation]. *Pedagogika, psikhologiya, slovesnost': sb. st.* [Pedagogics, psychology, texts: collection of articles]. Velikii Novgorod, 2005, pp. 70–96.
6. Ageeva O. G. Peterburgskie sluhi (K voprosu o nastroeniakh peterburgskogo obshchestva v epokhu petrovskikh reform) [Petersburg rumours (Public opinion of Petersburg society in the era of Peter the Great's reforms)]. *Fenomen Peterburga: sb. st.* [Phenomenon of Petersburg: collection of articles]. St.-Petersburg, 2000, pp. 299–313.
7. Kolonitskii B. I. K izucheniiu mekhanizmov desakralizatsii monarkhii (Sluhi i «politicheskaia pornografiia» v gody Pervoi mirovoi voiny) [Studying desacralization mechanisms of the monarchy (Rumors and «political pornography» during the First World War)]. *Istoriia i revoliutsiia: sb. st. k 70-letiiu O. N. Znamenskogo* [Historian and Revolution: collection of articles for the 70th anniversary of O. N. Znamensky]. St.-Petersburg, 1999, pp. 72–86.
8. Piankevich V. L. «Ludi zhili slukhami»: *Neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada* [«People had been living by rumors»: informal communication in besieged Leningrad]. St.-Petersburg, 2014. 479 p.
9. Nekhludov S. U. *Fol'klor: tipologicheskii i kommunikativnyi aspekty* (Folklore in typological and communicative aspects). Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov15.htm> (accessed 30 November 2015).
10. Rozhdestvenskii Y. V. *Obshchaia filologiya* [Overall Philology]. Moscow, 1996. 326 p.
11. Rozhdestvenskii Y. V. *Teoriia ritoriki* [On theory of rhetoric]. Moscow, 2004. 512 p.
12. Kim I. E. *Lichnaia sfera cheloveka: struktura i iazykovo voploshchenie* [Private sphere of the person: the structure and linguistic forms]. Krasnoyarsk, 2009. 325 p.
13. Arut'unova N. D. *Tipy iazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Assessment. Happening. Facts]. Moscow, 1988. 341 p.
14. Demyankov V. Z. *Semiotika sobytinosti v SMI* [The semiotics of media eventness]. *Iazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia: ucheb. posobie* [Media discourse as an object of interdisciplinary research: tutorial]. Moscow, 2004. Pt. 2, pp. 68–83.
15. Kostomarov V. G. *Russkii iazyk na gazetnoi polose: Nekotorye osobennosti iazyka gazety* [Russian language in newspapers: Some features of press language]. Moscow, 1971. 268 p.
16. Zheltukhina M. R. *Tropologicheskaiia suggestivnost' massmedial'nogo diskursa* [Tropological suggestibility in mass-media discourse]. Moscow; Volgograd, 2003. 656 p.
17. Dubin B. V., Tolstykh A. V. *Fenomenal'nyi mir slukhov* [The phenomenal world of rumors]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological researches]. 1995, no. 1, pp. 17–20.

Статья поступила в редакцию 1.12.2015.